

Эксклюзив

Честь и достоинство

Сегодня страна простилась с Владимиром Этушем

Владимир Этуш и Рита Давлетшина

© Евгений Рухмалёв

После смерти Владимира Зельдина он считался старейшим действующим артистом страны – но вот и его не стало. Казалось бы, всё логично – возраст: Владимир Абрамович не дожил всего двух месяцев до 97-летия, и всё равно уход его отдался острой болью в душе. Может, потому что мне выпало счастье лично знакомства с ним?

Это случилось двенадцать лет назад, когда мы с Евгением Рухмалёвым освещали столичный фестиваль «Московская премьера», организованный Алексеем Баталовым – тоже, к сожалению, уже ушедшим. На вечере памяти Михаила Ульянова – сначала коллеги, а потом руководителя Этуша по театру Вахтангова, но при этом всегда друга, прибыл Владимир Абрамович. Тогда ему было 85, но он был высок, статен и невозможно элегантен в тёмно-сером костюме без галстука, зато с бордовым платочком, кокетливо торчащим из нагрудного кармана. Ведущей вечера, помню, была Оксана Фёдорова – «красавица нарасхват», которой в силу востребованности, видимо, не хватило времени как следует подготовиться к объявлению выхода артиста на сцену – она назвала Владимира Этуша народным артистом России. Он неторопливо вышел на сцену и негромко – не напоказ – отметил: «Будьте внимательны, милочка: не России, а Советского Союза. Мне это звание очень дорого, потому что дорога та страна, и отнимать его у меня не нужно».

На то мероприятие он приехал с церемонии, на которой ему вручили орден – разумеется, спросила, за что удостоен. Владимир Абрамович махнул рукой:

– Да ни за что, дали и дали. За то, что знаменит, наверное. Как же он называется-то: за вклад в культуру и ещё что-то в том же духе – общественная награда какая-то.

При этом к военным наградам относился более чем свято и жутко расстроился, когда ордена и медали были вынесены вместе с остальными ценностями, похищенными из квартиры Этуша, пока он с супругой был на отдыхе.

– Правда, потом почти всё украденное вернули, подкинули, – вскидывает бровь Владимир Абрамович. – И даже записку вложили: «Дорогой Владимир Этуш, простите нас, сделали это по отчаянной нужде». Мне приятно, конечно.

Владимир Этуш называл себя баловнем судьбы: о том, что станет актёром, знал с детства – уж больно нравилось, как они одевались

Он вообще щёголь в отношении одежды – и по всему миру разошлась его ироничная фраза: «Путин в чёрной блестящей рубашке – невозможный азиатский шик. Розовая рубашка к синему или серому костюму – вот это очень хорошо». Всю жизнь был верен двум творческим святыням – Щукинскому училищу с 1940 года, когда поступил, потом преподавал, и театру Вахтангова, в котором отработал больше 70 лет. Хотя думал учиться в ГИТИСе и даже поступал туда – на режиссёрский, но – не взяли. И дядя его приятельницы, главный режиссёр того самого Вахтанговского театра Рубен Симонов помог талантливому парню стать вольнослушателем «Щуки».

Война – отдельная ода Владимиру Этушу. Он в мельчайших подробностях помнит её начало. Тогда в его жизни всё развивалось слишком хорошо, Этуш называет себя баловнем судьбы: весна, Москва, Вахтанговский театр, выдающиеся коллеги-актёры, любовные увлечения, гулянки... 22 июня он возвращался с одной из них в пятом часу утра. Мимо него по Манежной

площади со стороны Кремля на огромной скорости проехал солидный чёрный автомобиль с полевскими номерами под немецким флагом – как кольхалась на ветру гитлеровская свастика, он видел, словно это было вчера. Юный Этуш не придал этому значения – пришёл домой и лёг спать, к полудню был разбужен мамой: «Сынок, война». И только тогда понял, что стал буквально свидетелем её начала, когда немецкий посол фон Шуленбург, вручив Молотову меморандум об объявлении войны, промчался мимо него.

– Что почувствовал тогда? Страх, от которого буквально трясся, – рассказывал мне Владимир Этуш. – Врут, когда говорят, что война была неожиданной, без предупреждения – конечно, все её ждали, учили немецкий язык. Но вот тебе сказали конкретно: война – и стало очень страшно.

Однако он переборол свой страх и, имея, как все студенты-театралы, бронь, ушёл на фронт добровольцем.

– Просто однажды вышел на сцену Вахтанговского театра, в котором уже играл тогда, – а в зале тринадцать человек, – вздыхает Владимир Абрамович. – Ну как тут можно продолжать делать вид, что всё хорошо? На следующий же день пришёл в военкомат.

Пригодились знания немецкого языка – Этуша назначили переводчиком и отправили на курсы ускоренной подготовки, а после – в Северо-Кавказский военный округ, где лейтенанта Этуша назначили заместителем начальника отдела разведки. Со своей частью довелось пережить долгое тяжёлое отступление: немцы прорвали фронт, и наши уходили через Кавказский хребет. Отдельно выделяет сутки в Тбилиси, в котором он словно бы не было – красивая мирная жизнь и даже пиво.

– Попросил в палатке кружку холодного пива, он наливает мне половину, – смеётся Владимир Абрамович. – Говорю ему: ты что, я

же полную просил! «А ты купи вторую – и у тебя будет одна полная», – отвечает.

Уж не оттуда ли подсмотрен его будущий герой – шельмоватый начальник товарищ Саахов? Кстати, после «Кавказской пленницы» Юрий Никулин не раз рассказывал в своих интервью, как один тогдашний большой правительственный начальник и ярый антисемит спросил его как-то: «Спорим всё время с друзьями, кто по национальности Этуш – грузин или азербайджанец?» «Владимир Абрамович еврей», – ответил Никулин. Пару минут помолчал оглушённо, тот начальник медленно произнёс: «Прекрасный. Прекрасный актёр».

В 1943-м, получив тяжёлое ранение, с инвалидностью он был комиссован, и в 1944-м восстановился в Щукинском училище. С тех пор не отмечает совсем или очень скромно собственный день рождения – шестое мая, перенёс торжества на День Победы, который для него был святым праздником. Кстати, долгое время Владимиру Этушу по документам было на год меньше, чем на самом деле.

– В то время часто записывали мальчишек на год позже истинного дня рождения, – объяснял тогда мне Владимир Абрамович. – Потому что, ну что такое мальчик в 18 лет? Ребёнок, а его уже брали в армию. А в 19 он пойдёт служить уже более осмысленным молодым человеком. Так что многие годы я был на год младше самого себя, а потом восстановил справедливость – поменял документы.

Получив диплом Щукинского училища, Этуш сразу был принят в труппу Вахтанговского театра, стал преподавателем, а потом ректором «Щуки» – в начале двухтысячных ректором назначили другого, а Этуш стал художественным руководителем вуза. Он шутил тогда: дали звание почётного пенсионера – однако оставался худруком училища до самой смерти.

Был беспощаден к современному театру – от переизбытка бытового и низкого до отношения молодых актёров к профессии без особого тщания, чего не позволяли себе мастера старой школы. Попробовала возразить: театры вернулись к традиции, переигрывают весь классический репертуар... Владимир Этуш поднял палец вверх:

– Вот – замечательное слово вы подобрали – «переигрывают». Именно так я могу выразить то, что творится на сцене с классикой – её переигрывают, в неё кривляются, но не играют так, как должно играть. И потом, мне не нравится то, что не стало вот той консолидации театральной, общности, идеи служения единой художественной цели, которая была при театре под государственным руководством. При советской власти к театру было единое требование: показывать реализм, лучше всего – социалистический. Были, конечно, коллективы, не укладывающиеся в рамки этого требования, и от них старались избавиться – так закрыли театр Мейерхольда, так исчез театр Таирова. Конечно, это были крайние, чрезвычайные меры. Но ведь сегодня творится что-то невообразимое! В театре, на сцене кто что хочет – тот то и делает! Никакой цензуры нет, кругом попса и голые, простите, попы! Наверное, это всё-таки неправильно. И общность актёров сегодня уже не та. Конкуренция между нами была всегда – без этого невозможен настоящий актёр, ведь конкуренция – это, в хорошем смысле, в здоровой форме взлелеивание собственного честолюбия, и это в нашей профессии необходимо. Другое дело, что в наше время всё это проявлялось в цивилизованной, лояльной форме, нежели сегодня. Мы не любили сплетен, не плели интриг...

При этом Владимир Этуш весьма иронично относился к себе в искусстве

– Много недоиграл – особенно в кино, и всему виной моя внешность, – смеялся Владимир Абрамович. – Героем с ней не побудешь, героелюбовником – тем более. Поэтому пришлось играть характерные роли, а их в кинематографе не так уж и много. В театре тоже начинал с острохарактерных персонажей, но по ходу карьеры переиграл почти весь классический репертуар. И всё же так и остался голодным до работы. Кого ещё хочу сыграть? Да кого дадут – того и хочу, у меня возраст не тот для капризов. Это молодёжь грезит Гамлетами с Офелиями да Ромео с Джульеттами. А старики играют, что дают – и тому рады. Я комедию люблю очень – особенно, знаете ли, многослойную, когда над шуткой надо подумать, помыслить... Вот такие роли – мечта актёрская.

Помню, ещё в ту нашу встречу, пообщавшись с Владимиром Этушем, отметила его скромность: национальным достоинством себя не считаете, за что ордена дают – не помните... Он рассмеялся и вновь вскинул удивлённо одну бровь:

– А чем вы не национальное достоинство? Почему я – достоинство, а вы или этот молодой человек (указывает на Евгения Рухмалёва) – нет? Все мы в том или ином смысле являемся достоинством страны. С другой стороны, никто ничего не значит, особенно в нашей стране. Кто-то уходит, кто-то приходит ему на смену. А достоинство они или нет – с какой стороны посмотреть. Да и какая разница? Люди уходят – вот что плохо.

Теперь и он ушёл. Прожив долгую жизнь, много и плодотворно работав, навечно оставив нам свои роли – казалось бы, всё логично. И всё же грустно. Ведь прощаемся с честью и достоинством русского театра.

Рита Давлетшина